

ПОНЯТИЯ ФОРМЫ И ИСТОЧНИКА ПРАВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВООПОНИМАНИЯ

Понятия «форма права» и «источник права» в современной научной и особенно учебной юридической литературе трактуются, как правило, однозначно. Предполагается, что, отражая особенности структуры содержания права, его системы, они представляют собой способы организации права вовне.

Однако, будучи действительно тесно взаимосвязанными, понятия «форма права» и «источник права» при гносеологическом их рассмотрении не совпадают. Если форма права на самом деле показывает, как содержание права выражается вовне, то источник права позволяет понять именно истоки формирования права, выявить совокупность объективных и субъективных факторов, предопределяющих его содержание и форму выражения [1, с. 329]. При этом источник права в юридической литературе определяется неоднозначно – и как объективно складывающиеся отношения в различных сферах общественной деятельности, и как воля законодателя, правотворческих органов государства, народа в случаях проводимых референдумов. Высказываются и иные точки зрения.

Тем не менее в современном правоведении принято выделять материальные, идеальные и юридические источники права.

Материальные истоки обусловлены прежде всего уровнем общественного развития – своеобразием исторически сложившегося способа производства. Так, существенные различия между буржуазным и феодальным правом коренятся главным образом в соответствующих базисных отношениях. Но чтобы воплотиться в правовые предписания материальные потребности должны быть осознаны и восприняты социумом, в том числе законодателем, стать их правосознанием. На общественное правосознание оказывают воздействие также международная и внутриполитическая обстановка, в том числе межэтнические, религиозные, социально-культурные и иные отношения. Такого рода обстоятельства в своей совокупности и составляют источник права в идеальном смысле.

Объективированное выражение материальных и идеологических источников права посредством правотворческих процедур в нормативных правовых актах и других средствах правового регулирования признается юридическим источником права. В последнем случае источник права в юридическом смысле и форма права фактически совпадают по своему

внешнему выражению, но в этом заключается и принципиальное отличие источника права от формы права.

В юридической литературе справедливо, на наш взгляд, отмечается, что названные три источника права лишь в самой общей форме выражают систему правообразующих факторов. В действительности она объединяет не только экономические, идеологические и юридические обстоятельства, но и политические, национальные, религиозные, внешнеэкономические и многие иные реально существующие условия. Они могут быть как объективными, не зависящими от воли людей, так и субъективными, проявляющимися, в частности, в действиях политических партий, давлении определенных слоев населения, лоббизме, непредсказуемой законодательной инициативе и т. п. [1, с. 330].

Степень влияния каждого из этих факторов на существующую правовую систему постоянно меняется. Особенно заметны эти изменения при смене политических режимов, нарастании кризисных явлений в экономике, игнорировании требования разделения властей, когда резко усиливается влияние субъективных факторов. В такой обстановке существенно снижается значимость принципа научности в законотворчестве, место и роль законодательных актов заметно сокращается посредством использования нормативных правовых актов исполнительной власти. А это в свою очередь влечет ослабление действия такого принципа правового государства, как верховенство закона.

Правовое регулирование все более переносится в сферу правоприменительной деятельности, которая в научной литературе рассматривается как индивидуальное правовое регулирование [2, с. 96–112].

Все эти сдвиги в системе источников права, пусть даже временные, не могут не сказаться на научных представлениях о формах права. Так, например, стремление придать нормативное значение правоприменительным актам получило выражение в обосновании в качестве источников белорусского права некоторых судебных решений, т. е. придании им значения судебных прецедентов [3, с. 178–203]. Речь при этом идет о постановлениях высших судебных инстанций обзорного характера, публикациях наиболее характерных решений судов этих инстанций, о судебных решениях, принятых по аналогии. Но при этом упускается из виду, что судебный прецедент – это решение суда вышестоящей инстанции по конкретному юридическому делу, которое признается образцом (эталоном, нормой) для решения аналогичных юридических дел, а не вышеупомянутые акты.

В современном мире, когда происходит формирование правовых государств с присущими им требованиями верховенства закона, строгой

законности, непосредственного действия, в случае необходимости, норм Конституции, а также допущения аналогии в праве (анalogии закона и аналогии права), трудно понять устремленность некоторых правоведов к реставрации источников (форм) права, господствовавших в условиях рабовладельческих и феодальных отношений.

Следует учитывать, что сохраняющая еще свое определяющее значение в странах англосаксонской правовой семьи прецедентная форма права допускает по одному и тому же юридическому вопросу неограниченное количество прецедентных решений, что не способствует правовой стабильности в правоотношениях и не препятствует злоупотреблениям в праве.

Определенная объективно обусловленная динамика в развитии (зарождении, укреплении и отмирании) существовала и существует в отношении всех источников (форм) права. Так, в частности, случилось и с такой порожденной рецепцией римского права в Западной Европе формой права, как правовая доктрина (XIII–XIX вв.). В то время суды при рассмотрении сложных юридических дел обращались на юридические факультеты за получением официально значимых решений. Но уже в XIX в. такая практика была запрещена в связи с появлением достаточно разработанных кодификационных правовых актов. Едва ли целесообразно и в настоящее время возвращаться к правовой доктрине как форме права или к юридическому прецеденту, хотя некоторые субъективные аргументы на этот счет могут быть выдвинуты.

Как бы то ни было, большинство современных исследователей значимости и соотносимости источников и форм права признают их объективную обусловленность и нормативное выражение последних. Еще Ш. Монтескье видел основное назначение законодательной власти в том, чтобы «выявить право и сформулировать его в виде положительных законов, обязательных для всех граждан...» [4, с. 294].

Как уже отмечалось, своеобразие источников права (материальных, идеологических, политических, религиозных и иных) неизбежно сказывается на формах (внешнем выражении) права. В них наглядно проявляются исторические объективно сложившиеся особенности тех или иных общественных систем, разнообразные формы государственного воздействия на общественные отношения. Так, юридическими формами рабовладельческого права были обычаи, различные религиозные правила, решения судебных органов, распоряжения должностных лиц, а также доктринальные толкования юридических предписаний выдающимися правоведами того времени.

Особенности феодальных общественных отношений также обусловили множественность форм партикулярного феодального права,

закреплявшего сословное неравенство и произвол феодалов. Это и сохранившиеся нормы обычного права, и судебные прецеденты, основанные на практике закрепощения крестьянства, и статутное закрепление этой практики, и получившие широкое распространение религиозные нормы (каноническое право), и труды ученых-юристов. Столь широкое многообразие форм феодального права способствовало безграничной эксплуатации бесправных слоев населения.

Феодальное право во всех его многообразных формах со временем стало препятствовать общественному развитию. Его источники (экономические, политические, идеологические, религиозные) исчерпали себя и нуждались в замене, которая состоялась вследствие буржуазных революций. Пришедшая к власти буржуазия, сохранив в отдельных странах нормативную значимость судебной практики и обычаев, постепенно по мере укрепления рыночных отношений и государственных начал в управлении обществом в качестве основной формы права установила нормативный правовой акт (законодательство).

Среди материальных и идеологических источников права нередко в правовой науке предпочтение отдается вторым. Это нашло свое яркое выражение в естественно-правовой (нравственной) концепции права и договорно-правовой теории происхождения государства и права. Постепенно это привело к трактовке самого права как внешней справедливости, выражающейся в совокупности естественных и неотъемлемых прав и свобод человека, порожденных Богом или природой. Историческая обусловленность возникновения и развития этих прав и свобод социальными и прежде всего производственными отношениями полностью отрицается.

Такой односторонний подход к трактовке источников права неизбежно приводит и к отрицанию его нормативной формы и общеобязательности закона, его верховенства. Нередко утверждается, что «несправедливые» нормативные правовые акты не должны даже исполняться. Но при этом не поясняется, кем и как должна определяться их несправедливость и к чему может привести их неисполнение. К тому же общество неоднородно. Каким-то социальным группам населения определенные акты законодательства (о пенсионном обеспечении, об оплате коммунальных услуг, о налогах и др.) могут показаться несправедливыми. Так значит ли это, что кому-то их можно не исполнять?

Разрушительный характер таких допущений для правовой системы современного общества очевиден. В связи с этим следует полагать, что недопустимо источники права, и в первую очередь идеологические источники, какими бы привлекательными они ни представлялись, ото-

ждествлять с самим правом. Ведь право в первую очередь явление политическое, объективно существующее и формально выраженное в письменной форме. И любой закон в правовом государстве, пока он не отменен, не изменен или не признан неконституционным, должен исполняться. Подробно рассматривает, почему справедливость не может быть атрибутом права, и приводит философские обоснования этому В.М. Сырых [5, с. 434–442].

В результате сопоставления современных научных представлений о формах права есть все основания полагать обоснованным их рассмотрение как способов официального выражения, закрепления (объективации) правовых норм, придания им общеобязательной юридической силы. В Республике Беларусь в настоящее время к таким формам права относят прежде всего нормативные правовые акты, а также нормативные договоры и допускаемые в некоторых отраслях права правовые обычаи. Таким образом, как и в правовых системах других европейских стран, в Беларуси довольно отчетливо обнаруживается диалектическая взаимосвязь между источниками права и формами его выражения – нормативно выраженными и общеобязательными предписаниями, создаваемыми или признаваемыми государственной властью. В одних странах преимущественное распространение получили правовые акты парламентов и делегированное законодательство органов управления, в других – судебные прецеденты, в третьих – религиозные писания и традиции, но нигде не сами по себе источники права как материальные, идеологические или политические его предпосылки.

Таким образом, ни источники права, ни его формы не являются результатом произвольного конструирования законодателя. Их первопричины заложены в системе общественных отношений, исключающих монизм источников и предопределяющих многообразие форм внешнего выражения права.

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Магузова и А.В. Малько. М., 1997. 672 с.

2. Горбатов Н.А. Некоторые особенности индивидуального правового регулирования // Теоретические и практические проблемы правоприменения : сб. науч. тр. Минск, 2010. 324 с.

3. Василевич Г.А. Источники Белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрины. Минск, 2008. 218 с.

4. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1995. 730 с.

5. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 3 т. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007. 512 с.